

На правах рукописи

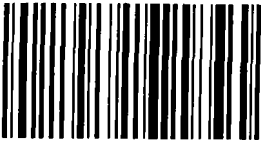
Каратовская Вера Валентиновна

**«НОРМАННСКАЯ ПРОБЛЕМА» И ОПЫТ ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ИСТОРИОГРАФИИ
ДРЕВНЕРУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА
(1990-е – 2000-е гг.)**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

005007156

12 ЯНВ 2012

Томск – 2011

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Трубникова Наталья Валерьевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, доцент
Турнаев Валерий Иванович

кандидат исторических наук
Алексеев Алексей Иванович

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»**

Защита состоится 27 декабря 2011 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34, ауд.41.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина, 34а)

Автореферат разослан «25» ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

О.А. Харусь

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. «Норманнская проблема», являясь одним из ключевых и наиболее спорных моментов российской истории, вызывает стабильный интерес как научно-образовательного сообщества, так и широкой общественности. Современные историки все чаще высказывают мысль о том, что «норманизм» и «антинорманизм» как научно-концептуальная оппозиция давно мертвы, а как элементы политической позиции – будут возрождаться еще не раз¹. В последние годы внимание к вопросам становления Древнерусского государства в отечественной историографии даже усилилось. Общественный интерес к «норманнской проблеме» подогревается предстоящим в 2012 г. празднованием 1150-летия зарождения Российской государственности². В связи с этим особо актуальным представляется создание обобщающих работ по норманнской проблеме, позволяющих аккумулировать весь накопленный фактический и историографический материал по различным аспектам варяжского вопроса и определить перспективы дальнейшего развития указанной проблематики.

Вопрос о «чужеродности» раннесредневековой власти актуален не только в российской науке, являясь ключевым содержанием «норманнской проблемы», но и во многих других европейских национальных историографиях, в частности – в болгарской. Достижения современных российских исследователей в осмыслении механизмов государствообразования у восточных славян³ способны составить теоретическую основу для решения

¹ См. напр.: Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб, 2009. С. 199 - 200.

² Указом президента РФ от 3. 03. 2011 г. «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» условной датой юбилея назначено 12 июня.

³ Речь идет о внедрении моделей «вождества» и «раннего государства» в исследования древнерусского политогенеза и активном возрождении использования понятия «варварского государства» по отношению к державе Рюриковичей конца IX – первой половины X вв. См., напр.: Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1992. С. 38–41; Мельникова Е. А. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 188 – 197; Шинаков Е.А.

норманнской проблемы, в то время как сравнительно-типологические исследования могут до определенной степени компенсировать недостаток исторической фактологии через применение метода научной экстраполяции, подвергая ревизии популярное в историографии мнение об «особом пути» развития древнерусской государственности.

Одним из важнейших факторов, способствовавших резкому усилению процессов государствообразования как у восточных, так и у южных славян, стала активная деятельность инородного, «ксенократического» элемента. Праболгары в Нижнем Подунавье в конце VII в., так же как и варяги в Восточной Европе во второй половине IX в. не только «подтолкнули» процессы формирования государственности у славян, но и придали им масштабность, ускорив межплеменную интеграцию на достаточно обширных пространствах. Как варяжский, так и праболгарский элементы были за сравнительно короткое время ассимилированы славянским населением, оставив по себе память в виде наименований «болгары» и «русь». Большинство названных особенностей до сих пор не исследовано комплексно в сопоставительном плане, хотя компаративный анализ многих характеристик социально-политической организации, административно-территориальной системы Древней Руси конца IX – середины X вв. и Болгарского ханства конца VII – середины IX вв. способен привести к принципиально новым выводам о ранней истории Руси и Болгарии, углубить понимание процессов европейского политогенеза в целом.

1990-е – 2000-е гг. в отечественной историографии характеризовались, с одной стороны, признанием за Русью конца IX в. и Болгарией конца VII в. признаков «варварских государств» и суперсложных вожеств⁴, с другой стороны, аргументацией положения о том, что на начальном этапе болгарская государственность строилась практически полностью на эволюции варварских

Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб, 1998.

⁴ См., напр.: Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства...; Котышев Д. М. Становление ранней государственности на юге Восточной Европы: историко-типологические проблемы // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 141 – 146; Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе...

потестарных институтов, не испытывая значительного византийского влияния, а напротив, в силу исторических условий основываясь на противопоставлении с византийской моделью⁵. Все это сформировало на рубеже XX – XXI вв. актуальность компаративного анализа государствообразующих процессов в целом, и проблемы «чужеродности» раннесредневековой власти в частности, на древнерусском и болгарском материале. Для оптимизации работы историков в данном направлении требуется актуализировать накопленный в исторической науке опыт.

Новизна диссертационного исследования состоит в обобщении теоретической модели изучения феномена чужеродности раннесредневековой власти и выявлении эвристического ресурса данной модели за счет проведения корректного сравнительного анализа историографии процессов государствогенеза Древней Руси и Болгарии.

Объект данной работы составляют историография и методология исследований феномена чужеродности власти в эпоху раннего средневековья.

Предмет исследования образуют способы концептуализации норманнской проблемы в современной историографии, включая возможности ее сравнения и генерализации с проблемой болгарского политогенеза.

Степень изученности проблемы. Весь массив научных исследований, наиболее тесно связанных с темой диссертации, можно условно объединить в три блока: российская, болгарская и западная историография. Западные исследования «варяжской» и «праболгарской» проблем, как правило, строятся не на историческом анализе письменных и археологических источников древнерусского и болгарского политогенеза, а на систематизации, обобщении и, частично, критике существующих «национальных» историографических традиций – российской и болгарской⁶. В связи с этим работы современных

⁵ Литаврин Г. Г. Византийская система власти и болгарская государственность // Раннефеодальные славянские государства и народности (проблемы идеологии и культуры). С., 1991. С. 19 – 27; Божилов И. Седем епода по Средновековна история. С., 1994. С. 3 – 34.

⁶ См. напр.: Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. СПб, 2001; Янссон И. К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001. С. 116 - 122.

западных авторов привлекаются в данном диссертационном исследовании в качестве внешнего, стороннего взгляда на «национальную» историографию возникновения государственности, а исследование современных научных дискуссий о древнерусской и болгарской раннесредневековой «ксенократии» опирается, главным образом, на наработки отечественной исторической науки в первой главе и болгарской – во второй главе.

В российской и болгарской историографии можно выделить ряд сходных этапов осмысления проблемы чужеродности власти в эпоху раннего средневековья.

История научного изучения «призвания чужеземных элит» в обеих национальных историографических традициях уходит корнями в XVIII век, и за время своего существования данная проблематика прошла сложное, противоречивое развитие. В историографии XVIII – первой половины XIX вв. было ярко выражено отождествление формирования государства с возникновением правящей династии. В связи с этим внимание исследователей было преимущественно сосредоточено на этнической принадлежности первых правителей, будь то славянские князья или болгарские ханы. Такое исследовательское предпочтение, связанное с признанием основателями государств «иностранцев» (варяжского князя Рюрика и праболгарского хана Аспаруха), неизбежно приводило в указанный историографический период к усиленной политизации вопроса о «начале» государственной истории.

Второй историографический этап в изучении данной проблематики можно обозначить хронологическими рамками середины XIX – начала XX вв. С одной стороны, это был период исследования государства как закономерного результата внутреннего (социально-экономического и политического) развития общества. С другой стороны, как в российской, так и в болгарской историографии происходили накопление и обработка основного массива фактических материалов (преимущественно из письменных источников), которыми до сегодняшнего дня оперируют историки. Со второй половины XIX в. в российской исторической науке и несколько позднее (ближе к началу

XX в.) в болгарской историографии утверждается представление о государстве как результате длительной эволюции общества, в связи с чем вопрос о «чужеродности элит» теряет неотъемлемую ранее привязку к патриотическим рассуждениям о национальной истории⁷.

В первой трети XX в. в отечественной историографии сформировалось представление о том, что следствием норманнской экспансии стало возникновение территориальных объединений в Восточной Европе, которые непосредственно предшествовали зарождению нового политического образования – Древней Руси. А. А. Шахматов пришел к выводу о создании норманнами государственности на севере и юге Восточной Европы⁸. Ю. В. Готье отмечал решающую роль норманнов в развитии восточноевропейских городских областей⁹. Следует отметить и вклад В. А. Брима в изучение роли варягов в развитии «Пути из варяг в греки» - магистрали, имевшей большое значение для становления первичной государственности Древней Руси. Исследователь показал, что данный путь основательно осваивался именно скандинавами¹⁰. В болгарской медиевистике второй половины XIX – начала XX вв. основные достижения в исследовании болгарского политогенеза (детальное изучение славяно-византийских отношений на Балканском полуострове до середины VII в., истории праболгар до середины VII в., включение в круг источников «Болгарской Апокрифической летописи» и археологических данных и т. д.) связаны с именами К. Иречека, В. Златарского, П. Мутафчиева¹¹.

В историографии домарксистского периода, таким образом, были раскрыты военно-политическая, торговая, культурная сторона деятельности

⁷ В российской историографии норманнский вопрос начинает терять спорный патриотический характер еще с началом XIX в. в связи с тем, что взамен «германских» государств – Швеции и Пруссии – главным внешнеполитическим противником России стала наполеоновская Франция.

⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. М., 1908.

⁹ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 260 – 261.

¹⁰ Брим В. А. Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII. Сер. общ. наук. Вып. 2. 1931. С. 206 – 208.

¹¹ Иречек К. История на Българияте / под ред. П. Петрова. София, 1978. С. 7 – 196; Златарски В. История на Българията държава през средновековие. Т. 1. Първо България царство. Ч. 1. Епоха на хуно-българското надмощие. София, 1970. С. 39 – 209; Мутафчиев П. История на България народ (681 - 1323) / Под ред. В. Гюзелева. София, 1986.

«господствующих чужеземцев», варягов и праболгар, в ранней национальной истории. Кроме того, труды как российских, так и болгарских медиевистов второй половины XIX – начала XX вв. на десятилетия вперед обеспечили источниковую базу исследований.

Третий этап в изучении проблемы «чужеродности» раннесредневековой власти связан с внедрением марксистской методологии в исторические исследования в отечественной и, несколько позднее, в болгарской науке. В основе модели государствообразования в раннее средневековье, сложившейся в советский период, лежало представление о возникновении государства как изначально классовой и феодальной структуры, вызревающей исключительно на основе внутренних предпосылок. Как в советской, так и в болгарской социалистической историографии шли поиски государственных и классовых структур в славянских обществах в период ранее «призвания чужеродной элиты», плохо согласующиеся с данными письменных источников. В отечественной историографии тенденции отрицания сколько-нибудь значимого влияния «внешнего» фактора на процесс формирования государства были тесно связаны со становлением в конце 1940-х гг. школы Б. Д. Грекова. Древнерусское государство рассматривалось как продукт классового общества, раннефеодальная монархия, которая в XII в. распалась на ряд независимых и полунезависимых княжеств (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков). В рамках сходной схемы в болгарской исторической науке в конце 1950-х – начале 1960-х гг. общепризнанными причинами генезиса Болгарского государства стали социально-экономическое развитие славян и праболгар, усиление имущественного неравенства и появление классов, превращение племенных союзов в государственную организацию¹². В связи с этим в славянском военно-племенном объединении в Подунавье – союзе «Семь

¹² См., напр.: Андреев М., Ангелов Д. История Болгарского государства и права. М., 1962; Андреев М. Българската държава през средновековието. С., 1974; Петров П. Образуване на българската държава. С., 1981.

родов» – нередко усматривалось «первое славянское государство», сложившееся самостоятельно задолго до прихода праболгар¹³.

Начало четвертого этапа в развитии интересующей нас проблематики, связанного с постепенным отходом от «классической» марксистской концепции государствообразования и критикой неоправданно заниженной оценки «чужеродного фактора», можно отнести к 1960-м гг. в советской историографии¹⁴ и к концу 1970-х – 1980-м гг. в болгарской историографии¹⁵. В конце 1970-х гг. И. Я. Фроянов обосновал в своих исследованиях доклассовый характер древнерусского общества. «Варяги-русь» в отечественных исследованиях тех лет все чаще понимаются как надэтничный социальный слой с существенной или даже преобладающей долей норманнов. В это время в работах ряда советских медиевистов, востоковедов и этнографов формулируются новые методологические подходы к проблеме генезиса раннегосударственных образований, активно разрабатываются концепции «дофеодального» («варварского») и «раннефеодального» периодов.

Помимо разработки положений о переходном, «дофеодальном» периоде европейского средневековья, советские историки сформулировали «горизонтальную» типологию государственности этого переходного периода (Н. Ф. Колесницкий, А. Р. Корсунский, А. Я. Гуревич), разделив Западную и Центральную Европу на «синтезную» и «бессинтезную» зоны (по признаку наличия или отсутствия синтеза с позднеантичной цивилизацией). Параллельно шло типологическое исследование пространства между «Востоком» и «Западом» – Византии и связанных с ней Балканских стран, в ходе которого была выделена «контактная», по преимуществу славянская, зона между «синтезным» и «бессинтезным» регионами (В. Д. Королук). При этом следует отметить, что все новаторские идеи о способах трактовки феномена

¹³ См., напр.: Болгария – страна древних культур. София, 1961. С. 31, 32.

¹⁴ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // IV Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1968. С. 176 – 177; Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 596 – 617.

¹⁵ Божилев И. Седем етода...

«чужеродности» власти, достаточно осторожно применялись по отношению к «норманнской проблеме», в то время как на примере балканского региона и в частности «праболгарской проблемы» формулировались гораздо более четко и последовательно.

Особую роль в указанный период сыграло становление международной исследовательской среды, результатом чего стали проводившиеся съезды славистов и болгаристов. В 1980-е гг. учеными сектора средневековой истории Института славяноведения и балканистики АН СССР были предприняты масштабные попытки реконструировать этническое самосознание славянских народов с VIII по XV вв. К примеру, в коллективной монографии «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» вопросы этногенеза оказались тесно переплетены с проблемами оформления ранних государственных образований¹⁶. Как представляется, на сегодняшний день вклад этой серии фундаментальных исследований¹⁷ в историческую науку недооценен более поздней генерацией ученых. К примеру, многие выводы советских исследователей тех лет (в частности, идея «многоуровневости» раннесредневекового этнического сознания) перекликаются с идеями этнологического конструктивизма и «Венской школы этнографии», нашедшими широкий отклик в трудах современных российских медиевистов.

В качестве последнего, пятого, этапа можно выделить современную российскую и болгарскую историографию. Для отечественной историографии этого периода (после 1991 г.) характерно активное обращение к концепциям государствообразования, предложенным в западной политической антропологии, в частности, адаптация моделей «вождества» и «раннего государства» к древнерусскому конкретно-историческому материалу. В работах ряда современных исследователей намечилось сближение традиционной схемы

¹⁶ См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М. 1982.

¹⁷ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья...; Раннефеодальные государства на Балканах VI – XII вв. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1985; Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1987; Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI – XII вв.) М., 1991.

«племенное княжение – союз племенных княжений – суперсоюз племен» и модели «простое – сложное – суперсложное вождество». Окончательно утвердилось представление о формировании государства как о скачкообразном, неоднoliniейном, этапированном процессе. Вместе с тем современные русисты все активнее оперируют понятием «варварское государство». В болгарской историографии 1990-х – 2000-х гг. заимствование политантропологических наработок проявляется гораздо слабее, чем в отечественной, однако очевиден массовый отказ исследователей от признания классовой обусловленности формирования Болгарского государства. Постепенно меняются и представления о характере южнославянского и праболгарского общества в эпоху раннего средневековья, подходы к пониманию ранней государственности, трактовка сущности и этапов политогенеза. Получает широкое распространение интерпретация Болгарского ханства конца VII – первой половины IX вв. как типичного для раннесредневековой Европы («варварского государства»).

Е. А. Шинаков одним из первых провел стадияльно-типологические параллели между Русью конца IX – середины X вв. и Болгарией конца VII – первой половины IX вв., отнеся оба потестарно-политических образования к «варварским» двухуровневым государствам этапа суперсложных вождеств, и выявил ряд типологически сходных механизмов формирования «варварской» государственности и ее трансформации в «раннее государство» в Болгарии и на Руси¹⁸. Ценность наблюдений данного автора для нашей темы исследования трудно преувеличить, однако необходимо заметить, что Е. А. Шинаков ограничивается лишь отдельными, наиболее яркими аналогиями в этно-потестарных и административно-территориальных «варварских» структурах Руси и Болгарии. «Болгарские параллели» в работе Е. А. Шинакова остаются контекстуальными, иллюстративными, предоставляя читателю скорее пищу для размышления, чем готовые ответы, и не выходят за рамки общей темы исследования – специфики образования Древнерусского государства.

¹⁸ Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства...

Таким образом, вопросы «чужеродности» раннесредневековой власти занимают значительное место в трудах современных российских и болгарских исследователей, сфокусированных на решении, соответственно, «норманнской» и «праболгарской» проблем. Однако целостного компаративного анализа становления и развития «варварских» политических структур на Руси и в Болгарии не проводилось, равно как не исследовались в сопоставительном плане традиции исследований проблемы «чужеземной элиты», характерные для современной болгарской и российской историографии.

Целью данной работы является реконструкция способов концептуализации норманнской проблемы в современной историографии и создание обобщающей интерпретации на основе сравнительного анализа проблемы чужеродности власти в историографии болгарского политогенеза.

Поставленная цель определила решение следующих исследовательских задач:

1) проследить эволюцию основного содержания «норманнской проблемы» в отечественной историографии XVIII–XXI вв. и на этой основе выявить эвристический потенциал теоретических моделей «вождества» и «раннего государства» в исследовании древнерусского политогенеза;

2) определить современные историографические подходы к феномену «чужеродности» раннесредневековой власти;

3) выявить магистральные направления дискуссий о природе древнерусской государственности в современной отечественной историографии, в том числе, этнические аспекты исследования варяжского вопроса;

4) охарактеризовать ведущие тенденции отечественной историографии в изучении догосударственного этапа восточнославянского политогенеза;

5) оценить основные достижения отечественной историографии в исследовании стадияльно-типологических характеристик древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв., в том числе основные

точки зрения по вопросу о механизмах ее формирования и особенностях этнополитической структуры;

6) проследить эволюцию «праболгарской проблемы» в болгарской и российской историографиях с целью определения современного состояния исследований;

7) определить релевантность теоретической модели политогенеза, применяемой к истории Древней Руси, конкретно-историческим процессам политогенеза Болгарии;

8) на историографической основе рассмотреть специфику формирования и развития болгарской государственности дохристианского периода в условиях «двуэтничности» (конец VII – середина IX вв.), до настоящего времени недостаточно освещенную в российской исторической науке;

9) определить методом научной экстраполяции перспективы сравнительного анализа древнерусской государственности конца IX – первой половины X вв. и болгарской государственности конца VII – середины IX вв.

Хронологические рамки. В основу диссертации положены исследования «норманнской проблемы», и, шире, – проблемы «чужеродности» элит раннего средневековья, выдвигавшиеся, главным образом, в 1990-е – 2000-е гг. Однако, поскольку идейные вехи научных дискуссий этого периода во многом обусловлены теориями предшествующих эпох, обнаруживая свойства поступательно-возвратного развития, в работе присутствуют ретроспективные обращения ко взглядам и концепциям, представленным в российской и болгарской историографии, начиная со второй четверти XVIII в.

С точки зрения исторической хронологии настоящее исследование охватывает период с последней трети VII до последней четверти X вв. Исходный пункт – оседание аспаруховых праболгар в Подунавье, военные действия Византии против праболгар и мирный договор 681 г. Конечный этап – формирование основных признаков древнерусской «ранней государственности» в эпоху Владимира I.

Территориальные рамки диссертационного сочинения, охватывающие области формирования «варварской» государственности у восточных и болгарских славян, ограничиваются зоной их исторической локализации – от р. Волхов на севере и до р. Дунай на юге.

Методы исследования. В основу диссертационного исследования легли принципы, которые являются базовыми в работе историка: принцип историзма, научной достоверности, объективности. В числе общенаучных и свойственных исторической науке применяются методы анализа и синтеза, системный, историко-генетический, ретроспективный и сравнительно-исторический методы, позволяя реализовать поставленные в работе цель и задачи. Значимым методом исследования стал метод научной экстраполяции, с помощью которого удалось выявить перспективы сравнительного анализа проблемы чужеродности власти в современной историографии древнерусского и болгарского политогенеза. В качестве междисциплинарной методологической основы исследования используется понятийно-терминологический аппарат политической антропологии и этнологического конструктивизма.

Источниковая база исследования. В соответствии с поставленными целью и задачами исследование строится на изучении четырех групп источников. Критерием для классификации источников служит их видовая принадлежность.

Первую группу источников составили научные исследования по конкретно-историческим аспектам проблем древнерусского и болгарского этно- и политогенеза (монографии, сборники статей и статьи в периодических и интернет-изданиях). Из множества сочинений нами были отобраны те, которые занимают важное место в развитии историографии по интересующему нас вопросу: отличающиеся информативностью, цитируемостью, выраженной авторской позицией. В данной работе массив российских и болгарских историографических источников разделен по хронологическому принципу на пять групп: «монархическая» историография XVIII – первой половины XIX вв.; «государственническая» историография второй половины XIX – начала XX вв.;

«классическая» марксистская историография 1940-х – 1950-х гг.; «новаторская» историография 1960-х – 1980-х гг.; постсоциалистическая историография 1990-х – 2000-х гг.

Вторая группа источников представлена теоретико-методологическими исследованиями, посвященными проблемам власти в раннесредневековых обществах, и более конкретно – вопросам «чужеродности» власти в древнерусской и болгарской раннесредневековой истории. К этой группе источников относятся также работы представителей западной политической антропологии, этнологического конструктивизма и «Венской школы этнографии».

В третью группу источников вошли современные историографические работы по «норманнской» проблеме, в частности, исследования Л. С. Клейна, А. А. Хлевова, П. А. Атанова, В. В. Фомина¹⁹.

Четвертую группу источников составляют собственно исторические источники, традиционные для исследований по формированию Древнерусского и Болгарского государства: Повесть временных лет (по списку Лаврентьевской летописи), византийские сочинения (Феофана Исповедника, патриарха Никифора, Константина Багрянородного)²⁰.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Акценты в исследовании «норманнской проблемы» в 1990-е – 2000-е гг. сместились с этнических аспектов в область формирования властных структур в восточнославянском обществе, предпосылок и механизмов возникновения государства. Исследование переходного типа властных отношений

¹⁹ Клейн Л. С. Спор о варягах...; Хлевова А. А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб, 1997; Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб, 2009.

²⁰ Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. 151 с.; Феофан Исповедник. Хронография / перевод от В. Бешевлиев и Г. Цанкова-Петкова, увод и бележки от Г. Цанкова-Петкова // Извори за българската история. Т. 1: Гръцки извори за българската история. Ч. 3. С., 1954. С. 226 – 289; Патриарх Никифор. Бrevиарий / Превод от В. Бешевлиев, увод и бележки от П. Тивчева // Извори за българската история. Т. 1: Гръцки извори за българската история. Ч. 3. С., 1954. С. 290 – 306; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

(«потестарно-политических») в Древней Руси конца IX – середины X вв. обусловило обращение российских историков к моделям государствообразования, предложенным в западной политической антропологии.

2. Перспективы развития историографии «норманнской проблемы» лежат в плоскости пересечения и синтеза трех направлений исследования: 1) возрождение и развитие концепции «варварского государства», имеющей давнюю традицию в отечественной историографии; 2) применение политантропологических моделей «суперсложного вожества», «ксенократии», «раннего государства» к древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв.; 3) разработка единого общепринятого определения стадийальной и типологической принадлежности древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв.

3. Период со второй половины IX до середины X вв., по признанию большинства современных отечественных исследователей, стал решающим этапом становления древнерусской государственности. В конце IX в. сформировалось восточнославянское «варварское государство» Русь, для которого было характерно сосуществование потестарных и политических структур, ориентация на преимущественно военный способ добывания избыточного продукта, а также сочетание двух неравноправных субкультур (варягов и восточных славян) в одной политической культуре.

4. Исследования «чужеродности» власти как в историографии древней болгарской истории, так и в историографии «норманнской проблемы» получают значительное развитие благодаря анализу формирования и функционирования той и другой государственности как «варварской» и «многоуровневой».

5. «Варварскую» государственность Древней Руси конца IX – середины X вв. и Болгарии конца VII – середины IX вв. прежде всего сближает способ формирования. Принципиальные различия видятся в качественных и количественных характеристиках правящего (чужеродного) элемента на Руси и

в Болгарии, отразившихся как на процессах ассимиляции, так и на трансформации обоих суперсложных вожеств в ранние государства.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его материалов и выводов при создании специальных научных трудов, лекционных курсов и спецкурсов по отечественной истории и историографии, а также при подготовке школьных учебных и методических пособий по истории России.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования получили отражение в семи научных публикациях, две из которых вышли в журналах, рекомендованных ВАК, а также – в выступлениях автора на двух международных и трех всероссийских научных конференциях.

Структура исследования также обусловлена логикой поставленных цели и задач. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность избранной темы, ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи, хронологические рамки работы, методологические основы исследования, получает освещение степень изученности проблемы в историографии, содержится характеристика использованных в работе источников.

Первая глава «Норманнская проблема в современной отечественной историографии древнерусского политогенеза» представляет собой опыт комплексного исследования направлений развития современной российской историографии по «норманнской проблеме» и по вопросу о чужеродности раннесредневековой власти в целом.

В первом разделе «Норманнская проблема и вопрос о «чужеродности» раннесредневековой власти в современной российской историографии» рассматривается эволюция понимания и решения

«норманнской проблемы» в отечественной историографии, анализируется потенциал современной политической антропологии для реконструкции этапов и механизмов древнерусского политогенеза; исследуется феномен раннесредневековой «ксенократии» в современной историографии; раскрывается состояние «этнического» аспекта «норманнской проблемы» на современном исследовательском этапе.

На современном исследовательском этапе этнический аспект «норманнской проблемы» теряет научную значимость и не определяет основное содержание научных дискуссий. Под влиянием идей этнологического конструктивизма и «Венской школы этнографии» в отечественной литературе все отчетливее прослеживается тенденция интерпретировать феномен «варягов-руси» как раннесредневековой этносоциальной общности «gens», со всеми присущими ей характеристиками: полиэтничностью, билингвизмом, динамичными и нечеткими этническими границами. Акценты в исследовании «норманнской проблемы» все больше смещаются в область формирования властных структур в восточнославянском обществе, предпосылок и механизмов возникновения государства. Еще в начале 1990-х гг. в отечественной историографии норманнской проблемы утвердилось представление о том, что Древняя Русь конца IX – XI вв. не принадлежала ни к одной из известных формаций, однако обладала рядом черт, свойственных государству. Дальнейшими исследованиями этих черт было продиктовано обращение к моделям государствообразования, предложенным в западной политической антропологии.

В данном направлении отмечаются три основные тенденции: 1) стремление подчеркнуть общий для Древней Руси и Западной Европы путь становления государственности в эпоху раннего средневековья, что нашло выражение в концепции «варварского государства»; 2) попытки определить стадиальную и типологическую принадлежность древнерусской государственности с точки зрения общенсторических закономерностей политогенеза, что привело к переносу политантропологических моделей

«вождества» и «раннего государства» на древнерусскую почву, а также применению понятий «суперсложное вождество» («мультиполития») и «ксенократия» к древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв.; 3) необходимость синкретически осмыслить специфику генезиса Древнерусского государства способствовала разработке в отечественной историографии таких определений как «дружинное», «двухуровневое», «надплеменное», «потестарное», «федеративное» государство применительно к концу IX – середине X вв.

Выделяются несколько точек соприкосновения этих трех областей исследования. В первую очередь, внимание исследователей сконцентрировано на переходном этапе от первобытной эпохи к государственной, и, следовательно, на переходном характере властных отношений от потестарных к политическим. Во-вторых, все три подхода объединяет признание «многоуровневости», сложного характера властных структур в раннесредневековых полициях, образованных путем захвата власти в земледельческих областях иноплеменной верхушкой. В-третьих, все концепции древнерусского государственногенеза отмечают иерархичность системы власти, что влекло за собой и этно-территориальную субординацию. Исследователи часто характеризуют ее как «деление на центр и периферию», «административный дуализм», «имперское» или «федеративное» устройство. Дальнейшие перспективы развития историографии «норманнской проблемы», на наш взгляд, будут лежать в плоскости пересечения и синтеза, трех рассмотренных направлений исследования.

Во втором разделе ««Норманнская проблема» и дискуссии о стадильно-типологическом развитии древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв.» систематизируется основное содержание современных дискуссий о стадильно-типологическом развитии древнерусской государственности второй половины IX – середины X вв., а именно: о специфике догосударственного этапа восточнославянского

политогенеза, о механизмах формирования, функционирования и трансформации древнерусской «варварской» государственности.

В современной отечественной историографии утвердилось представление о том, что во второй половине IX в. сформировалось восточнославянское «варварское государство» Русь («Росия» византийских источников), характерными чертами которого являлось сосуществование потестарных и политических структур, ориентация на преимущественно военный способ добывания избыточного продукта. Всесторонне исследуются «договорные» и «правовые» механизмы формирования Древнерусской «варварской» государственности конца IX в., а также их соотношение с фактором «завоевания» на Севере и Юге восточнославянских земель. Значение военного фактора в процессах раннесредневекового политогенеза наиболее полно раскрывает политантропологическая модель «вождества», в частности, схема консолидации нескольких сложных вождеств в единую потестарно-политическую структуру – суперсложное вождество. Вследствие «наложения» одной этносоциальной общности на другую на восточнославянских территориях в конце IX в. произошла фиксация на определенное время этнических границ средствами власти. Специфической чертой этой расширенной и стратифицированной политики стало сочетание двух неравноправных субкультур в одной политической культуре.

Исследование показало, что интерпретации древнерусского политогенеза, совершаемые благодаря «решеткам прочтения» концепции «варварских государств» и политантропологической модели «суперсложного вождества», во многом совпадают. В первую очередь это относится к анализу «многоуровневости» государственного устройства – распределения долей власти между «федеральным» и «местным» уровнями и, как следствие, дуалистической территориальной структуры. Общим местом отечественной историографии давно стало признание значительного влияния «чужеродного» фактора на темпы и масштабы раннесредневекового политогенеза. Однако роль «внешнего импульса» этими функциями не исчерпывалась: условия и характер

взаимодействия двух «варварских» культур во многом предопределяли этнопотестарную и административно-территориальную специфику политий, формирующихся в «контактных зонах». В этой связи одной из актуальных исследовательских задач становится поиск стадияльно-типологических аналогий процессам формирования и особенностям административно-территориальной структуры древнерусской «варварской» государственности. Сходные с Древней Русью конца IX – середины X вв. тенденции и направления развития «варварского государства» можно выявить при анализе процессов болгарского политогенеза конца VII – первой половины IX вв. (в частности, сохранение на определенное время «нижнего» уровня власти как результата «варварского» синтеза). Сравнительно-исторические наблюдения будут способствовать выработке новых решений проблемы чужеродности власти в раннесредневековых обществах.

Вторая глава «Проблема «чужеродности» власти в современной историографии болгарского государствогенеза: возможности для компаративного анализа» посвящена проблеме чужеродности власти в современной историографии болгарского государствогенеза и выявлению возможностей сравнительного анализа древнерусской государственности конца IX – первой половины X вв. и болгарской государственности конца VII – середины IX вв.

Первый раздел ««Праболгарская проблема» в современной болгарской и российской историографии» раскрывает содержание «праболгарской проблемы» в болгарской и российской историографии: ее эволюцию и современные исследовательские тенденции.

В содержании «праболгарской проблемы», одной из наиболее актуальных проблем современной болгарской историографии, подобно российским исследованиям «норманнской проблемы», отчетливо выделяются «этнический» и «политический» аспекты. При этом политически ангажированные дискуссии об этнической принадлежности праболгар подчас не проясняют, а затрудняют исследование вопроса о соотношении внешних и внутренних факторов в

раннесредневековом болгарском политогенезе. Между тем, исследования «чужеродности» власти как в историографии древнеболгарской истории, так и в историографии «норманнской проблемы» получают значительное развитие благодаря анализу формирования и функционирования той и другой государственности как «варварской» и многоуровневой. Ключевые характеристики болгарского суперсложного вожества конца VII – первой половины IX вв., намеченные в зарубежной и отечественной историографии, дают возможность проанализировать на историографическом материале динамику развития «варварской» государственности и ее дальнейшую трансформацию в раннее государство на Руси и в Болгарии, измерив, тем самым, эвристический потенциал теоретической модели, рассмотренной в первой главе.

Во втором разделе **«Особенности формирования и развития древнеболгарского государства в условиях «двуэтничности»»** рассматриваются особенности формирования и развития болгарской государственности дохристианского, «варварского» периода (конец VII – середина IX вв.), мало представленного в русскоязычной исторической литературе. Кроме того, в данном разделе работы проводится анализ сложившихся в историографии подходов к изучению формирования и развития болгарской «варварской» государственности конца VII – IX вв. с целью установить релевантность теоретической модели политогенеза, применяемой к истории Древней Руси и исследованной в первой главе, конкретно-историческим процессам политогенеза Болгарии.

В современной историографии ни славянский союз «Семь родов», ни переместившееся из Приазовья в Подунавье объединение Аспаруха не рассматриваются как государственные образования. Взаимодействующие группы не обладали сложившимся государственным аппаратом, что способствовало формированию в конце VII в. новой политической структуры в рамках контактной зоны Нижнего Подунавья. Завоевание власти праболгарами в южнославянском обществе, социально более дифференцированном, стало

возможно благодаря военному превосходству праболгар, а длительное сохранение власти иноземцами – благодаря частичному совпадению интересов праболгар и славян и возможности использовать праболгарскую воинскую силу для защиты интересов славянских общин. Праболгары хана Аспаруха, равно как и варяги Рюрика и Олега, представляли собой общности, для которых войны и грабительские набеги стали не просто «сезонным» занятием, дававшим необходимые «ксенократические» ресурсы, но и одним из способов институционализации государственной власти «варварского» уровня. Ни «русь», ни праболгары не принесли в славянские земли государственной экспансии и смогли выступить в качестве организующей внешней силы. Формирование болгарской «варварской» государственности в конце VII в. и древнерусской – в конце IX в. стало результатом синтеза этносоциальных структур, каждая из которых в отдельности до момента их глубокого взаимодействия еще не столкнулась с необходимостью возникновения государственных форм.

«Варварскую» государственность Древней Руси конца IX – середины X вв. и Болгарии конца VII – середины IX вв. прежде всего сближает способ формирования – завоевание территорий с земледельческим славянским населением пришлой этносоциальной группой, оторванной от мест прежнего обитания. При этом в обоих случаях имели место не только военные, но и «договорные» механизмы институционализации власти: и восточнославянские, и южнославянские союзы (славинии) обозначены в византийских источниках «пактиотами» чужеземцев – русов и праболгар. Как варяги, так и праболгары в численном отношении значительно уступали подвластному им славянскому обществу, и с течением времени неизбежно подверглись славянизации. Синтез славянских и «чужеродных», привнесенных институтов и в Болгарии, и на Руси имел место преимущественно не в социально-экономической, а в военно-политической сфере, в то время как в основу социально-экономического базиса молодых «варварских» государств в обоих случаях был положен славянский хозяйственно-культурный тип.

Принципиальное различие формирования и развития «ксенократического», «варварского» государства в Болгарии и на Руси видится в масштабе господствующих «пришлых» групп, воплощавших верхний эшелон складывающейся политической структуры (то есть построенной уже по правилам господства/подчинения). На примере восточноевропейской истории середины IX в. представлены, по существу, действия микроэтнической группы: отдельный коллектив «принял» в качестве правителя иноплеменника и, соответственно, его клан. В южнославянских землях в роли правящей надстройки выступил целостный этносоциальный организм. Древнерусская «ксенократия» отличалась от болгарской не только меньшей численностью «верхнего уровня» власти, но и его большей корпоративной сплоченностью и скорее социальной, чем этнической природой. В отличие от варягов, рядовые праболгары не принадлежали к господствующему, привилегированному слою: общество аспаруховых праболгар было гораздо более дифференцированным. Из этих отличий в «количественных» и «качественных» характеристиках чужеродной элиты проистекали и отличия в процессах ассимиляции и в продолжительности существования «варварской» государственности. Можно предположить также, что «количественный» фактор предопределил и несколько более жесткие условия «пакта» праболгар и южных славян, и гораздо более ограниченное действие «договорных» механизмов формирования болгарской государственности, нежели древнерусской.

Заключение содержит обобщение результатов проведённого исследования.

Рассмотренный историографический материал позволяет говорить о том, что основное содержание дискуссий по «норманнской проблеме» определяет комплекс вопросов, связанных с формированием властных структур в восточнославянском обществе, предпосылок и механизмов возникновения государства. Сходные с Древней Русью конца IX – середины X вв. тенденции и направления развития «варварского государства» удалось выявить при анализе процессов болгарского политогенеза конца VII – первой половины IX вв.

Результатом «варварского синтеза» в обоих случаях стало сохранение на определенное время «нижнего» (славянского) уровня власти, что нашло выражение в формировании яркой этно-территориальной специфики (деления на «внешние» и «внутренние» земли, «административного дуализма» – временной фиксации этнических границ средствами власти).

Место и время обусловили специфику регионов, однако налицо целый ряд общих черт социально-политической «варварской» организации Древней Руси конца IX – первой половины X вв. и Болгарии конца VII – середины IX вв. Все рассмотренные сходные черты позволяют с определенной долей уверенности сопоставлять ранние страницы древнерусской и болгарской государственности как типологически и стадияльно близкие. Возможность сравнить аналогичные линии и тенденции развития в различных регионах славянского мира, в свою очередь, может стать существенным подспорьем историку в условиях недостатка письменных источников и фрагментарности археологических данных (особенно древнерусских). Вместе с тем, разработка данных вопросов представляется актуальной и потому, что в трудах как российских, так и болгарских исследователей используется целый спектр терминов (порой взаимоисключающих) для обозначения подобных потестарно-политических структур.

Подводя итог, можно констатировать, что исследования «чужеродности» власти в историографии «норманнской проблемы» получают значительное развитие благодаря анализу формирования и функционирования государственности как «варварской» и многоуровневой. Ключевые характеристики древнерусского «варварского государства» конца IX – первой половины X вв., намеченные в современной отечественной историографии, дают возможность проанализировать в сопоставительном плане динамику развития «варварской» государственности и ее дальнейшую трансформацию в раннее государство на Руси и в Болгарии, измерив, тем самым, эвристический потенциал рассмотренной теоретической модели. Сравнительно-исторические

наблюдения, в свою очередь, будут способствовать выработке новых решений проблемы чужеродности власти в раннесредневековых обществах.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Каратовская, В. В. Перспективы историко-психологической интерпретации варяжского вопроса (в контексте анализа современной учебной литературы) [Текст] / В. В. Каратовская // Вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск 9 (99). Томск, 2010. С. 114 – 119 (0,65 п. л.).

2. Каратовская, В. В. Норманнская проблема и отечественная художественная литература [Текст] / В. В. Каратовская // Вестник Томского государственного университета. № 347 (июнь 2011). Томск, 2011. С. 75 – 78 (0,56 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

3. Каратовская, В. В. Изменение исторического сознания современного российского общества в фокусе решения «норманнской проблемы» [Текст] / В. В. Каратовская // История идей и история общества. Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2010. С. 228 – 230 (0,17 п.л.).

4. Каратовская, В. В. К вопросу о перспективах историко-психологической интерпретации норманнской проблемы [Текст] / В. В. Каратовская // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии: материалы I Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. С. 148 – 150 (0,16 п.л.).

5. Каратовская, В. В. Варяжский вопрос в зеркале массового исторического сознания современного российского общества [Текст] / В. В. Каратовская // История идей и история общества. Материалы IX Всероссийской

научной конференции (14 – 15 апреля 2011 г.) Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2011. С. 304 – 306 (0,2 п.л.).

6. Каратовская, В. В. Проблема раннесредневековой ксенократии в свете идей этнологического конструктивизма [Текст] / В. В. Каратовская // Актуальные проблемы гуманитарных наук. X Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (21-22 апреля 2011). Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2011. С. 339 – 341 (0,25 п.л.).

7. Каратовская, В. В. Проблема «чужеродности» раннесредневековой власти с позиций современной политической антропологии [Текст] / В. В. Каратовская // VII Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925 - 1985). Материалы Международной научной конференции (21 апреля 2011г.). Новокузнецк: РИО КузГПА, 2011. С. 99 - 102 (0,33 п.л.).

21

Тираж 100 экз. Заказ 1165.
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники.
634050, г. Томск, пр. Ленина, 40.
Тел. (3822) 533018.